

Бай Циань, прибыв в поместье, сразу направился в кабинет. Матушка Гу специально распорядилась, чтобы он не утруждал себя ежедневными приветствиями.

Войдя, он застал Гу Яньли в странном состоянии: тот с озадаченным видом тер уши и щеки. На мальчике был короткий халат из красного шелка с золотым узором в виде облаков, под которым виднелась желтая нижняя рубашка, а на ногах — расшитые цветами атласные туфли с крупными жемчужинами на носках. Бай Циань невольно подумал, что Гу Яньли сейчас похож на слиток золота, завернутый в красную парчу.

Услышав шаги, Гу Яньли подпрыгнул и соскочил со стула, и этот сияющий золотой слиток тут же припустил к Бай Цианю.

Гу Яньли выглядел обиженным:

— Я еще в час кролика отправил Тяньмо за тобой. Они что, ленились? Почему ты пришел только сейчас?

Он замахнулся, собираясь ударить Тяньмо, но тот поспешно опустился на колени, моля о пощаде.

Бай Циань перехватил кулак друга. Даже при его мягком характере он не удержался от замечания:

— Ты сам не спишь и мне не даешь. Отец говорил, если не спать по пять часов в сутки, не вырастешь!

Видя, что Гу Яньли продолжает что-то недовольно бурчать, Бай Циань притворился рассерженным:

— Приходить к тебе каждый день — это утомительнее, чем слушать крик петуха. Завтра я не приду.

Гу Яньли испугался:

— Это я виноват. Я вчера всю ночь не спал, думал, во что бы нам с тобой поиграть, и проснулся ни свет ни заря. Лежал, смотрел в окно — рассвета нет, слушал часы — не бьют. Как только часы пробили первый раз, я сразу вскочил. Больше так не буду, проси меня на этот раз, ладно?

Заметив, что Бай Циань кивнул и на его лице не осталось следа гнева, он потянул его к стулу. Но стоило им сесть, как Гу Яньли начал ерзать, словно в сиденье были воткнуты иглы.

Бай Циань был еще мал, ему было достаточно попрактиковаться в каллиграфии и почитать книги, но Гу Яньли уже должен был зубрить Ши цзин и тому подобное. Бай Циань как раз собирался почитать книгу путевых заметок, но заметил, что Гу Яньли то заденет чернильницу, то начнет ковырять стол. Казалось, даже разглядывание древесных волокон на столе было для него интереснее, чем иероглифы в книге.

Бай Циань заглянул в его тетрадь и, чтобы не обидеть друга, с трудом сдерживая смех, предложил:

— Может, напишем вместе? Господин Гу прислал несколько прекрасных прописей знаменитых мастеров.

Гу Яньли небрежно чиркнул пару раз по бумаге:

— Что в них хорошего? Не понимаю, зачем нужно учиться. Неужели они надеются, что я пойду на экзамен на звание сюэя? Даже если я не умею вести дела, на то есть старые управляющие. Пусть они с деньгами ездят на юг и север, скупают и продают товары в лавках — вот и будут деньги. Зачем мне самому надрываться? Пойдем лучше сверчков травить, сидеть здесь — только время зря терять.

Услышав это, Бай Циань промолчал, собрал свои вещи, позвал Чжулина и собрался уходить. Гу Яньли вскочил, преградил ему путь, схватил за руку и, прогнав Чжулина, испуганно спросил:

— Чем я тебя обидел? Я больше не буду так говорить.

Бай Циань понял, что тот даже не осознает, в чем был неправ. Гу Яньли с детства рос избалованным, матушка Гу и госпожа Шэнь души в нем не чаяли и почти не наказывали. Все вокруг старались ему угодить, а стоило выйти за ворота, как люди, узнав, кто он такой, лишь лестили ему. Откуда ему было знать, почему Гу Шань так настаивает на его обучении? Он считал отца просто закоснелым стариком, не умеющим наслаждаться жизнью.

Но Бай Циань понимал: Гу Яньли уже восемь или девять лет, действовать нужно постепенно. Подумав и увидев, как у Гу Яньли от волнения выступил пот на кончике носа — неважно, искренняя ли это привязанность или просто минутный интерес, — он смягчился.

— Отпусти меня, я не уйду.

Гу Яньли несколько раз переспросил, правда ли он остается, и только тогда разжал пальцы. Бай Циань коснулся мягкой ладонью руки друга, прося посадить его на стул, чтобы они оказались на одном уровне. Когда Гу Яньли исполнил просьбу, Бай Циань посмотрел прямо ему в глаза и серьезно произнес:

— Я знаю, что богатства твоего клана хватит на много поколений вперед. Но даже в такой семье, как моя, бабушка часто жалуется на хлопоты, а что уж говорить о вашем доме? Неужели ты думаешь, что все ваши управляющие честны? Рассказать тебе одну забавную вещь?

Боясь, что друг утомится от разговора, Гу Яньли поспешно налил ему чаю. Бай Циань сделал глоток и продолжил:

— Несколько дней назад мне понадобился женьшень высшего сорта, но дома он закончился. Отец отправил слугу купить его, и тот, будучи человеком расторопным, пошел в вашу аптеку. Кто бы мог подумать, что, когда врач осмотрел покупку, оказалось, что женьшень поддельный!

— Только середина корня была настоящим женишнем, причем совсем молодым — какой от него прок? Остальное было искусно сшито из кусков редьки. Наши слуги сказали им, что покупают для нас, они ведь знают о связи наших семей, и все равно посмели подсунуть подделку. Что уж говорить о простых людях? Разве это не смешно?

Гу Яньли, дослушав, засуетился:

— Ты что, заболел? Зачем тебе лекарства? Если нужен женишень, приходи к нам и бери! Я сейчас же прикажу принести его тебе!

Бай Циань приложил ладонь ко лбу. Он не ожидал, что Гу Яньли ухватится за самую неважную деталь. Но, увидев недоумение друга, Гу Яньли вдруг прозрел. Его лицо исказилось от ярости:

— Они посмели обмануть даже твой дом! Если так пойдет дальше, они скоро и мне на голову сядут!

Бай Циань увидел, что друг наконец-то понял суть, и тихо добавил:

— Обычные люди покупают женишень, когда серьезно больны. Если бы кто-то купил этот корень и, не показав врачу, дал больному — это же верная смерть! К тому же, тридцать лянов за порцию — это огромные деньги, чистой воды грабеж.

— А если так же обманывают с другими травами? А с антиквариатом и нефритом? Это же подорвет репутацию всего клана Гу. Люди не будут винить жадного управляющего, они скажут, что у Гу всё поддельное. Разве это допустимо?

Бай Циань сменил тон:

— Когда господин Гу позволит тебе заняться делами, ты ведь не хочешь ни учиться, ни перенимать опыт у дядьев. Тебя будут обманывать, а ты еще и решишь, что они преданы тебе до гроба. Учеба помогает видеть истину. Мой отец часто вздыхает, что господин Гу знает, как ты умен, и сердится лишь потому, что ты не используешь свой талант по назначению.

Голос Гу Яньли стал едва слышным:

— Но ведь есть ты...

Он не решился сказать это громко, зная, что Бай Циню это не понравится. Однако он был поражен тем, что строгий отец, оказывается, часто хвалил его за глаза. Гу Яньли потер нос и заявил:

— Буду я учиться. Я такой умный, что сдам на сюцая одной левой! Но ты должен сказать мне, где эта лавка, я разнесу её в щепки!

Бай Циань снова был поражен таким сыновьим рвением — рушить собственные лавки с таким энтузиазмом.

— Не говори таких вещей перед господином Гу. Отец уже сообщил ему о случившемся. Если тебе интересно, я слышал, господин Гу сегодня дома. Пойдем вместе и спросим, как он решил поступить?

Гу Яньли замялся. Он никогда не был близок с отцом — при встрече тот либо ругал его, либо наказывал. Но ему ужасно хотелось узнать, как наказали мошенников. На его взгляд, приказать казнить эту шайку было бы еще мало.

Бай Циань видел, что друг загорелся идеей, но стесняется из-за гордости, поэтому просто взял его за руку и потянул в сторону кабинета Гу Шаня.

<http://bllate.org/book/20696/2067693>